

КАК ПОСТРОИТЬ

христианскую семью,

КОТОРОЙ У ВАС НЕ БЫЛО

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ-ПЕРВОПРОХОДЦЕВ

ВИССОН
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Санкт-Петербург
2014

Предисловие

ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ СРОДНИ ОТКРЫТИЮ НЕИЗВЕДАННОЙ ЗЕМЛИ

Если не можете избавиться от скелета в шкафу,
заставьте его станцевать.
Джордж Бернард Шоу

Открытие новых подходов к воспитанию детей, внуков и правнуков — святое и радостное занятие, подразумевающее вечную награду на небесах. Но если вам довелось стать родителем прежде, чем христианином, воспитание ребенка превращается в приключение, сопряженное с множеством трудностей. Подобно лишенному карты первопроходцу, вы вынуждены самостоятельно прокладывать путь для следующих поколений.

Родители-первопроходцы, скорее всего, выросли в семьях, традиции которых они не хотели бы завещать своим детям. С другой стороны, они вряд ли захотят воспользоваться советами тех, кто вырос в крепкой христианской семье. Вот мнение одного из таких неофитов: «Меня тошнит от книг по воспитанию детей, написанных умниками, в трехлетнем возрасте пришедшими к Христу. Где книги, написанные для *меня?*» Миллионы верующих выросли в нехристианских семьях, и сегодня они изо всех сил стараются привить своим детям библейские ценности при полном отсутствии подобного опыта: их детские годы прошли без Христа.

Есть и те, кто лишь немногим отличается от вышеупомянутых родителей. Им, выросшим в так называемых христианских семьях, не довелось узреть истинной библейской веры. В детстве, выслушивая наставления отцов и матерей, они не раз наблюдали, как те нарушают то, чему учат свое потомство. Немало среди нас и тех, кто вырос в семьях, в которых христианские ценности «преспокойно» уживались с жестокостью и разного рода неустройством. И те, и другие — тоже первопроходцы, поскольку хотели бы разорвать порочный круг взаимоотношений, оказавших негативное влияние на их воспитание.

Мы, родители-первопроходцы, — исследователи, пытающиеся самыми разными способами разрешить проблемы, которые ставит перед нами жизнь. Наша «педагогическая практика» опирается на расспросы, личный опыт и наблюдения. К сожалению, неудачи в нашем случае тоже не редкость, но порой мы натываемся на что-то стоящее и спешим закрепить достигнутый нами успех.

Поскольку мы — представители первого поколения христиан, воспитывающие своих детей не так, как воспитывались мы сами, неудивительно, что к неизведанной земле мы устремляемся по нехоженным тропам. Слово «первопроходец» ассоциируется с неким начинанием. Ежедневное воспитание ребенка сродни совершению открытия. Возможно, мы не до конца порвали со своим прежним образом жизни, но для воспитания нового поколения нам предстоит возводить здание своей семьи на совершенно новом основании. Родителям-первопроходцам гарантированы трудности и бессонные ночи, но и радостей на этом пути их ожидает немало.

ПЕРВОПРОХОДЦЫ — ЭТО НОВАТОРЫ

В детстве я зачитывалась книгой «Маленький домик в прериях» Лоры Инглз Уайлдер и очень любила одноименный телесериал. Втайне я мечтала быть «хорошей девочкой»

Мэри в ситцевом платице и цветастом капоре в тон, которая разделяет с отцом тяготы жизни первопроходцев и выпадающие на их долю приключения. Когда я, работая над книгой, впервые задумалась о сравнении верующих родителей с пионерами-переселенцами, перед моим мысленным взором тут же ожили отважные паломники, прокладывающие путь по выжженной солнцем прерии к поджидающей их за горизонтом неизвестности. Поскольку образ первопроходца — передвигающегося по бездорожью с караваном крытых повозок американского колониста — многим чужд, я предпочитаю использовать более общее значение этого слова. Первопроходцами мы чаще называем тех, кто находится на переднем крае исследовательских работ, открытий и нововведений. Первопроходцы не всегда осваивают и заселяют новые земли, но они всегда что-то изобретают и открывают.

Давайте рассмотрим, что роднит ученых-новаторов и родителей-первопроходцев.

1. И те, и другие подвергаются критике. В середине восьмидесятых годов прошлого столетия ученые Робин Уоррен и Барри Маршалл дерзнули предположить, что в большинстве случаев причиной язвы желудка являются бактерии, за что подверглись острой критике со стороны коллег. Даже после того, как предварительные испытания подтвердили справедливость выдвинутой ими теории, подавляющее большинство медицинского сообщества продолжало их высмеивать. Родители-первопроходцы тоже нередко сталкиваются с критикой со стороны самых близких людей — собственных родителей. К сожалению, критика — печальная неизбежность для большинства из тех, о ком идет речь, но, как мы увидим в следующих главах, она помогает двигаться дальше.

2. И те, и другие терпят неудачи, но продолжают идти вперед. Любая сфера научной деятельности подразумевает эксперимент, постижение истины методом проб и ошибок. Великому открытию предшествует огромное количество

неудач. Томас Эдисон как-то сказал: «Я не терпел поражений. Я просто нашел 10 000 способов, которые не работают».

Язва желудка — широко распространенное, но трудно-излечимое заболевание. Причиной его возникновения принято считать стресс и нарушение режима питания, однако Уоррен и Маршалл потратили *годы*, пытаясь доказать свою теорию бактериальной природы этого недуга. Они проводили опыты, изучая полученный у больных язвой желудка путем биопсии материал.

Поскольку родители-первопроходцы тоже осваивают целину, науку воспитания они постигают методом проб и ошибок, но не позволяют неудачам разочаровать себя. С упорством стоящих в шаге от открытия ученых они продолжают двигаться вперед, потому что хотят, чтобы их дети росли в атмосфере любви и доверия.

3. И тем, и другим сопутствует одиночество. Уоррен и Маршалл были не только осмеяны научным сообществом, но после того, как их многообещающие результаты отвергли коллеги, пребывали в изоляции. С таким же отвержением сталкиваются родители-первопроходцы. Те, кто в детстве не познал безусловной любви, библейского наставления и отеческой молитвы, как правило, не спешат рассказывать о своем трудном детстве и каждодневных родительских трудностях. Родители-первопроходцы прочитывают бесчисленное множество книг о воспитании детей и стараются брать пример с внешне безупречных матерей и отцов, но ни в том, ни в другом случае не находят решения проблем, с которыми сталкиваются в повседневной жизни, и, окруженные стенами невысказанных страхов, как правило, замыкаются в себе. *Естественно, убеждены они, никто кроме них с подобными проблемами не сталкивается. Конечно же, никто кроме них не сокрушается, не плачет в подушку, не сетует на свою родительскую никчемность, опасаясь отрицательного влияния на детей со стороны их бабушек и дедушек.*

4. И те, и другие опираются на опыт предшественников. Ученые не ведут исследовательскую работу в полной изоляции. Им необходимы знания и опыт других исследователей — их предшественников. Уже в 1886 году учеными была обнаружена вероятная связь между язвой желудка и населяющей его бактериальной флорой. Уоррен и Маршалл использовали этот опыт в своих исследованиях.

То же справедливо и для родителей-первопроходцев: они должны опираться на опыт сталкивавшихся с подобными проблемами предшественников. По Своей милости Бог дает нам наставников в виде друзей, книг и супружеских пар старше и опытнее нас. Мы не можем воспитывать детей в изоляции от общества. Нам необходимы поддержка и знания современников, а также опыт предшествующих поколений.

5. И те, и другие просчитывают издержки. Несмотря на то, что у большинства пациентов с язвой желудка была обнаружена бактерия хеликобактер пилори, данные, полученные Уорреном и Маршаллом, не убедили медицинское сообщество в правоте ученых, и тогда Маршалл решился на радикальный шаг. Он подверг себя заражению, проглотив огромную дозу патогенной культуры, и спустя несколько дней обнаружил у себя симптомы язвы желудка, но, воспользовавшись антибиотиками, сравнительно быстро вылечился. И все же потребовались годы, чтобы это открытие получило широкое признание¹.

Маршалл был настолько убежден в истинности своей теории, что пошел на огромный риск с целью доказать ее справедливость. Подобным образом должны действовать и родители-первопроходцы — принимать во внимание ту цену, которую придется заплатить за новаторство. Иисус, обратившись к горстке рыбаков в древней Палестине, призвал их бросить сети и последовать за Ним. И они оставили привычный образ жизни, чтобы пойти за Иисусом. Сегодня Господь обращается к нам с тем же призывом. Он предлагает нам ступить на неизведанную землю, отложив свои планы

и рискнув душевным комфортом, чтобы следовать за Ним теми путями, которые нашим родителям кажутся безумием. И мы должны рискнуть, поверив истине Его Царства, гласящей, что для того, чтобы жить, мы должны умереть (см.: Флп. 1:21). Наши родители вряд ли поспешат с нами согласиться. Весьма вероятно, они *никогда* не примут нашего образа жизни и нашего подхода к воспитанию детей.

6. *И те, и другие — светила.* В конечном счете выдающееся открытие Уоррена и Маршалла получило признание. В 1994 году Национальные институты здоровья (НИН) рекомендовали пациентам с язвенной болезнью желудка начинать лечение с антибактериальной терапии для удаления из организма хеликобактер пилори. Несмотря на имевшие место непонимание и злословие, со временем двое ученых, получив широкую известность и признание коллег, стали научными светилами.

Мы тоже светила. *Свет* — вот корень слова «светило». Но родители-первопроходцы имеют право на этот гордый титул не потому, что трудятся во мраке безвестности. Они — носители света уже потому, что в них обитает свет Иисуса. «В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1:4–5). Они должны являть детям изумительный Божий свет, несмотря на тот мрак, который обступает их со всех сторон.

Вслед за Джорджем Бернардом Шоу, признавшим наличие такого явления, как скелеты в шкафу, нам, обремененным подобными «семейными» древностями, хотелось бы без лишних хлопот запрятать их как можно дальше. Наши родители были далеко не ангелами, но то же самое можно сказать и про нас, тем не менее Бог предлагает нам вместе с Ним принять участие в приключениях родителей-первопроходцев, чтобы эти скелеты заплясали в лучах Его света.

Лишь Бог для вящей Своей славы способен оживить пляшущиеся в наших шкафах сухие кости. Наши житейские проблемы Он заставляет содействовать воплощению Его

благой цели, чтобы мы могли уподобиться Иисусу, привести к Нему детей и позволить Ему преобразить нашу жизнь.

Автор этого часто цитируемого стиха — апостол Павел: «...любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу» (Рим. 8:28). Что и говорить, прекрасное утверждение, пригодное как для поздравительных открыток, так и для мемориальных досок. Но это не все, что сказал Павел: «Ибо кого Он предузнал, тем и предопределил быть подобными образу Сына Своего, дабы Он был *первородным между многими братьями*» (ст. 29; курсив мой. — М. Д.). Бог желает видеть нас похожими на Иисуса Христа, а Иисус в Свою очередь стремится, чтобы как можно больше людей стали частью Его семьи. Бог достает из шкафов на свет Божий скелеты нашего прошлого, чтобы мы могли свидетельствовать следующему поколению о Его жизни.

Бог в полном смысле слова — Отец-Первопроходец, Который шествует впереди нас и рядом с нами.

Введение

БОГ БОЛЬШЕ НАШЕГО ПРОШЛОГО

...Искупит Господь Иакова и избавит его
от руки того, кто был сильнее его.
Иер. 31:11

Так говорит Господь:
народ, уцелевший от меча, нашел милость в пустыне;
иду успокоить Израиля.
Иер. 31:2

Первое электронное письмо, полученное мной от бывшего отчима, заканчивалось словами: «У каждого грешника есть прошлое, у каждого святого — будущее». Это письмо стало приятным напоминанием, что Владыка вселенной слышит мои молитвы и желает спасти близких мне людей.

В семье, в которой я росла, не говорили ни о Боге, ни о Его нравственных принципах. Я появилась на свет до того, как мама вышла за папу замуж, но вскоре после моего рождения они развелись. Когда-то они вместе ходили в церковь, но после развода родителей такой традиции в нашей семье не было. Странно, но я никогда не называла папу *папой*, а всегда обращалась к нему по имени.

Пока мама не закончила учиться, мы с ней жили в доме ее родителей. Это время оставило в моей памяти самые теплые воспоминания. Помню, как бабушка журила меня за то, что,

катаясь на трехколесном велосипеде, я так и норовила куда-нибудь улизнуть, то и дело пропадая из поля зрения; как из стоящей у кровати электронной радионяни раздавался убаюкивающий меня волшебный бабушкин голос.

Потом мама вышла замуж во второй раз (мне к тому времени исполнилось пять лет). Ее новым мужем стал какой-то злой дядька, то ли слесарь, то ли механик, с которым она познакомилась в прачечной самообслуживания. «Свадебная церемония» проходила на заднем дворе нашего дома, и это единственное, чем мне запомнился день маминой свадьбы. Большинство восседавших на индейских одеялах гостей выглядели под стать торжеству: рубашки-варенки, рваные джинсы и длинные, до плеч, волосы.

Это было начало семидесятых, когда царили свободная любовь и наркотическая дурь. Протестующие выкрикивали гневные лозунги и, перекрывая гул федеральных автострад, клеймили войну во Вьетнаме. Мама и ее второй муж были частью этого мира, к которому невольно присоединилась и я. На устраиваемых ими вечеринках хиппи с остекленевшими глазами передавали по кругу общую сигару с марихуаной. Порой взрослые были настолько обкурены, что и мне предлагали этот сладковато пахнущий скрученный вручную косячок. Уже тогда во мне говорила совесть — Божий дар, за который я по сей день признательна Богу. «Нет, спасибо», — благодарила я за «угощение» и ретировалась в свою спальню, где меня поджидали куклы и плюшевые зверюшки.

Эти игрушки были моими друзьями. Я питала слабость к старым, никому ненужным плюшевым созданным. Как-то раз в доме моей няни я наткнулась на валявшегося в углу потрепанного плюшевого кота. Вместо давно оторванных глаз-пуговичек на его грустной морде виднелись лишь два маленьких пятнышка неполинявшего плюша. Он был такой несчастный!

«Можно взять его себе?» — спросила я няню. Надеюсь, что, получив подарок, я перестану ей докучать, она утвердительно

кивнула. Я прижимала плюшевого горемыку к груди, пела ему песенки и вычищала его шерстку со всей тщательностью, на которую только была способна. Иногда я наряжала его в позаимствованные у кукол платья. При виде чужого страдания мое пятилетнее сердечко сжималось от горя. Я неосознанно стремилась о ком-то заботиться, возможно, потому, что маме в тот момент было не до меня. А я мечтала когда-нибудь стать мамой.

Плюшевые зверюшки и куклы часами развлекали меня, но не могли исцелить меня от одиночества. Однажды я попросила маму поиграть со мной. «Нет, лучше походи поиграй с друзьями», — сказала она, и я, оседлав своего трехколесного друга, как обычно, отважно свернула за угол бабушкиного дома. На одной из застекленных веранд я увидела играющую девочку и, подойдя к двери ее дома, постучала. Ее мама открыла дверь и пригласила меня войти. Позднее меня нашли весело болтающей с моей новой знакомой Кими, вскоре ставшей моей лучшей подругой.

В тот год со мной произошли события, оставившие в моей душе неизгладимый след. Именно к этому периоду жизни я, крепко держась за руку Бога, вынуждена была мысленно возвращаться сотни раз. Когда моим детям, особенно Софи и Джулии, исполнялось пять лет и они задували пять свечей на именинных тортах, меня охватывал панический страх. Глядя на детскую доверчивость и жизнерадостность своих малюток, я невольно вспоминала свое прошлое, то время, когда моя доверчивость была поругана, а жизнерадостность омрачена насилием.

Мой первый отчим, злой человек, ремонтировал перепачканные машинным маслом двигателя прямо в гостиной нашего дома и орал на меня всякий раз, когда я «путалась у него под ногами». В том же году малолетние воришки стащили мой велосипед, а когда я спустя какое-то время его отыскала, руль велосипеда был перевернут задом наперед, и один из похитителей мне заявил: «Это не твой велосипед. У него руль другой. Видишь?» Те же мальчишки украли

у меня несколько серебряных долларов, когда я продавала около дома лимонад. Под видом сигары с марихуаной они, чтобы разыграть мою маму, всучили мне самокрутку, набитую сушеными листьями орегано.

Но все эти беды меркли в сравнении с тем адом, в который я ежедневно погружалась по возвращении из подготывительной группы детского сада. Меня отводили туда в первой половине дня. Обычно взрослые помнят имя своей воспитательницы, я же забыла не только ее имя, но и как она выглядела. *Помню* лишь одно: каждый день после занятий в детском саду няня забирала меня к себе домой, а чуть позже к ней являлись два мальчика намного старше меня и спрашивали, не выйду ли я с ними поиграть. Я не помню их имен, знаю только, что они были братьями, что их мать была домохозяйкой, а отец возглавлял отряд бойскаутов. Каждый день два подростка — один приблизительно из шестого, другой из восьмого класса — уводили меня от няни, обычно к оврагу в лесопарке, и приставали с всякими непристойностями.

Как-то раз один из братьев спросил меня: «Ты ведь хочешь когда-нибудь иметь детей?» Я кивнула, глядя на обидчика сквозь застилавшие глаза жгучие слезы, ведь я мечтала стать мамой. Именно таким представлялся мне следующий шаг в развитии моей неумемной заботы о плюшевых зверюшках. «Ну, так слушай, — сказал он, — вот что тебе придется сделать».

И двое подростков в самых неподобающих выражениях описали мне свои предстоящие действия. Я знала, что они ведут себя предосудительно, а употребляемые ими слова — грязные ругательства, но боялась рассказать о происходящем со мной няне, в основном из страха, что за такие слова она вымоет мне рот с мылом. И все-таки после неоднократных «лесных прогулок» я шепотом поведала ей о том, что они говорят и делают. Низко склонившись надо мной, няня прохрипела: «Ладно уж, я все расскажу твоей маме. Не волнуйся».

Но ежедневные визиты братьев все не прекращались. Порой эти двое настолько нагтели, что приводили меня к себе домой, в свою спальню, и вытворяли со мной все что хотели, пока их мамочка пекла печенье с шоколадной крошкой для бойскаутских собраний. Я понимала, что этому ужасу необходимо положить конец, поэтому каждый день, вернувшись из детского сада, притворялась спящей. Поспешно проглотив обед, я ложилась на нянину кровать и, заслышав неотвратимый стук в дверь черного хода, крепко зажмуривалась. «Мэри еще спит. Как только она проснется, я отправлю ее гулять», — слышала я голос няни.

Вскоре мой дневной сон составлял добрых четыре часа.

Гораздо позже, уже подростком, я поняла, что няня так и не рассказала маме об этой грязной истории, но несколько лет я думала, что мама, зная о совершаемом надо мной насилии, бездействует. Из-за этого заблуждения я росла с чувством собственной никчемности, незащищенности и ненужности.

Когда я пошла в школу, мама развелась с моим первым отчимом и вышла замуж за куда более доброго человека. Но меня не оставляли страхи, особенно когда в нашем доме устраивались вечеринки. Поскольку я была единственным ребенком в семье, рядом со мной не было никого, кому я могла бы о них поведать, кроме моего плюшевого зоопарка, вымышленной подружки по имени Ди-Ди, нескольких кукол и какой-нибудь случайной знакомой. Помню, будучи первоклашкой, первое, что я делала, возвращаясь домой из школы, это запирала за собой дверь и звонила бабушке. Этот ритуал неукоснительно соблюдался мной вплоть до шестого класса. К счастью, мама и отчим могли оплачивать посещение мной центра дневного ухода за детьми, так что после уроков я не была одна.

В том же году наш дом был осквернен какими-то вандалами. Когда мы подъехали к дому, я почувствовала необычный запах и, прежде чем отчим повернул ключ в замке, предположила, что пахнет, как в плавательном бассейне.

Вся мебель в доме была перевернута вверх дном, украшавшие стены фотографии в рамках сорваны, стены забрызганы кетчупом, а бассейном пахло от вылитого на батареи хлорного отбеливателя. В тот вечер от смрада, издаваемого смесью кетчупа и хлорки, меня постоянно тошнило и мне вновь было одиноко и страшно. Несмотря на гору сваленных на мою кровать одеял, меня почти всю ночь бил озноб.

Раз в две недели, по воскресеньям, я навещала родного отца, искренне заботившегося обо мне и водившего меня по картинным галереям, комиссионным магазинам и даже горным тропам и познакомившего меня со множеством своих богемных друзей. Он то заводил, то рвал отношения с женщинами. Однажды, когда я, перепугавшись, спросила, почему на его постели появилось пятно крови, он рассказал мне о сексе. Казалось, его нисколько не тревожила собственная неразборчивость в связях. Эта черта его характера по-прежнему приводит меня в недоумение.

Отец меня любил или, по крайней мере когда я находилась рядом, уделял мне максимум внимания. В честь моего дня рождения он устраивал невероятные вечеринки с тортами самой причудливой формы. Он всегда поддерживал меня в стремлении писать и рисовать. Возможно, ему хотелось, чтобы однажды я составила ему конкуренцию, ведь он был непревзойденным мастером черно-белой фотографии и потрясающим писателем.

Закончив работу над диссертацией по английской литературе, отец решил ее не защищать. Вместо этого он стал водителем городского автобуса, и иногда я ездила с ним по его маршруту. Отца отличала эксцентричность, у него был имидж чудаковатого безумца, этакого непризнанного первопроходца.

Он женился на девушке, с которой познакомился в одном из своих рейсов, а за месяц до рождения их первенца, моей сводной сестры, умер. Мне к тому времени исполнилось десять лет. Помню, в тот день, сидя за партой, я услышала, как по школьному радио секретарь встревоженным

голосом велела мне срочно явиться в кабинет директора. Идя по школьному коридору, я засмотрелась на стену, кирпичная кладка которой составляла причудливый узор. Не дойдя до кабинета директора, я уже знала, что отца больше нет в живых.

У здания школы мы с мамой сели в наш зеленый хэтчбек, и она сказала: «Твой отец умер». Зная, что умер мой папа, я переспросила ее: «Который?»

Следующие недели и месяцы погрузили меня во мрак. Тот, кто любил меня, был мертв. Человек, переводивший километры пленки на мои фотографии, больше не сделает ни одного снимка. Я замкнулась в своем горе, на которое способен лишь десятилетний ребенок. По ночам я плакала. В начальных классах у меня была, пожалуй, самая противная за все школьные годы учительница. Когда я неожиданно разревелась прямо в классе, она сказала: «Я, конечно, тебе сочувствую, деточка, но со дня смерти твоего отца прошел уже месяц. Пора бы взять себя в руки». Я поняла, что для того чтобы нравиться окружающим, необходимо прятать свои эмоции. Вновь я вынуждена была что-то предпринимать и убедительно изображать полное благополучие. В сущности, все свое детство я сама о себе заботилась, пытаюсь быть себе и мамой, и папой.

В юности, как и всем прыщавым угловатым девицам, мне казалось, что я навсегда застряла в непрерывно повторяющихся кадрах фильма «Шестнадцать свечей». Неуклюжая и долговязая, я старалась стать своей в крутой тусовке сверстников, главным образом потому, что чувствовала себя белой вороной, и несколько раз в неделю бегала на прием к психологу. Третий мамин брак распался, что не могло не разрывать мое сердце, хотя я это не вполне осознавала. Наш школьный психолог был христианином. Он выслушивал меня и давал выплакаться. Он даже освобождал меня от занятий, выписывая специальный пропуск, позволявший мне покидать уроки всякий раз, когда из моих глаз готовы были брызнуть слезы.

Когда я окончила восьмой класс, мы всей семьей собрались в бабушкином загородном доме на празднование Дня отца. Я знала, что в последний раз отмечаю этот праздник с моим отчимом, потому что развод родителей был почти завершен, и у всех на глазах расплакалась. Эмоции, тщательно сдерживаемые мной ради мамы, которой сейчас в очередной раз было не до меня, вырвались наружу. А мама спросила: «Почему *ты* плачешь?»

Спустя два года я снова плакала, на этот раз под вечнозеленым деревом в молодежном христианском лагере «Young Life». Приглашение посетить этот лагерь я получила от девочки, с которой училась в девятом классе. Я была пятнадцатилетним подростком, страшно сердитым на мать, которую винила в разводе с моим вторым отчимом. Я почти ненавидела ее за то, что она его прогнала, и поклялась, что отомщу ей, отказавшись знакомиться с ее новым бойфрендом.

Но всякий раз, когда вожатый рассказывал нам об Иисусе, ненависть в моем сердце постепенно исчезала: оно утешенно билось, когда я слышала о Человеке, Который призрел отверженных, накормил голодных, прикоснулся к прокаженному и с негодованием обрушился на фальшивую праведность религиозных лидеров. Жажда, которая влекла меня к Иисусу, может сравниться лишь с отчаянным стремлением сироты обрести родительскую любовь.

Я всю жизнь молилась Богу. Даже когда умер отец, я продолжала молиться. Но об Иисусе я знала ровно столько, сколько сообщалось в рождественской истории о Младенце, родившемся в городе Вифлееме и первое время лежавшем в яслях.

Иногда мне на глаза попадались изображения распятого на кресте уже взрослого Иисуса, но у меня не было ни малейшего представления о том, как Он там оказался. В христианском лагере «Young Life» библейская история от рождения до распятия и воскресения Иисуса излагалась просто и доступно. Наконец-то я узнала, Кем был Иисус и что Он для меня сделал. В отличие от окружающих меня

взрослых ради меня Господь пожертвовал Собой. Ради меня Он лишился всего, что имел. Он смог совладать с моей ненавистью, Он изменил мой образ мыслей и мой мрачный настрой — Он умер за мои грехи, чтобы дать мне свободу.

В тот вечер, когда каждую клеточку моего щедедушного подросткового тела заполнила Благая весть, я, едва шевеля губами, произнесла обращенную к Иисусу молитву. Прислонившись к бугристому стволу дерева, я не сводила изумленного взора с видневшихся сквозь вечнозеленую кроху рассыпанных по небу звезд. Там, на небесах, пребывал вечносущий Отец, Который никогда меня не оставит. Эта грусть, знакомая многим девочкам, потерявшим отца (или в моем случае трех отцов), превратилась в покорное смирение. Я наконец-то навсегда обрела любящего меня Отца.

Через восемь лет, окончив школу и колледж, по центральному проходу церкви я в подвенечном платье шла к алтарю. Вел меня к нему мамин бойфренд, которого я поклялась ненавидеть. У алтаря рядом с мамой уже стоял дедушка. Он-то и подвел меня к моему жениху Патрику. В те минуты, когда бушевал ураган, который метеорологи северо-западной части Штатов окрестили «арктическим экспрессом», мы поклялись друг другу в любви и верности до гробовой доски.

Как только на моем пальце оказалось обручальное кольцо, я захотела родить ребенка. В том же году я забеременела и какое-то время мучилась от ужасного токсикоза, а через несколько недель, как раз перед Днем благодарения, меня прооперировали в клинике из-за внематочной беременности. До этого случая я ни разу не кричала на Бога, ведь Он был моим Отцом и я понимала, что Он не Тот, на Кого можно повышать голос. Но в этот раз в машине по дороге в клинику я накричала на Бога. Долгое время я была убеждена, что раз на мою долю выпало нелегкое детство, Бог просто обязан обеспечить мне безоблачно счастливую взрослую жизнь. Я наивно полагала, что, пережив столько душевной боли, я не вынесу новых страданий.

Дав мне выкричатся, Бог не поразил меня молнией за то, что я грозила Ему кулаком. Тихая грусть наполнила мое сердце, когда я поняла, что должна отдать Богу свое страстное желание стать матерью и послушно следовать за Ним, даже если это означает, что моей мечте о материнстве не суждено сбыться. Маленькая девочка, нянчившая старых и заброшенных плюшевых зверюшек, хотела прижать к груди младенца. Сколько себя помню, я всегда мечтала стать матерью — пожалуй, с тех пор, как на экране нашего черно-белого телевизора увидела телесериал «Семейка Брейди». Быть может, я мечтала обрести то, чего у меня никогда не было. Возможно, просто хотела дарить любовь беспомощному существу. Возможно, чувствовала, что без детей мой брак нельзя считать счастливым. Но какой бы ни была эта причина, я должна была доверить решение своей проблемы Богу.

Через два года после того, как мы с Патриком произнесли слова своей клятвы у алтаря, у нас родилась старшая дочь Софи. Ее, младенца, родившегося в канун Рождества, принесли нам в красном чулке для подарков и крошечной шапочке Санта-Клауса. Привезя ребенка домой, мы с застывшим в глазах ужасом провели бессонную ночь, таращась на потолок спальни. *О чем мы только думали? Мы не имели ни малейшего представления о том, как менять памперсы, не говоря уже о том, чтобы кормить, купать и защищать нашу дочь. Что если она заболит и умрет?*

Родители-первопроходцы

С первого младенческого плача Софи и по сей день, когда по лицу нашей десятилетней малышки текут слезы от детских обид, мы с Патриком без отпуска и выходных исполняем нелегкий, но почетный долг *родителей-первопроходцев*. Во многих отношениях все мы — родители-первопроходцы, в какой бы семье мы ни росли. Всем нам необходимо многому научиться. Все мы дилетанты в вопросе воспитания

детей, к которым не прилагаются инструкции по «эксплуатации» и которые будто запрограммированы на плач и срыгивание (ну, и на хихиканье).

Когда, к огромному для нас счастью, в нашу жизнь вторглась Софи, мне не давал покоя вопрос: *«Узнает ли она, как сильно я ее люблю, или ей уготовано такое же, как было у меня, безрадостное детство?»* До рождения дочери мы с Патриком штудировали книги по воспитанию детей, но, не пробыв родителями и минуты, запаниковали, когда поняли, что все эти правила и методики нам не подходят. В ту ночь, таращась на потолок, мы оба понимали, что нам необходима помощь Бога.

Поскольку в детстве мне не довелось наблюдать примеров правильного воспитания, за советом я обратилась к книгам и наставникам. Присматриваясь к другим родителям, я примечала все, что они делали, и пыталась подражать тем из них, чей опыт находила достойным. Я делала пометки в книгах по воспитанию и не ленилась выписывать в свой дневник как отдельные цитаты, так и целые главы из них. Но, несмотря на все усилия, меня не покидало чувство беспомощности. Благодаря тому, что Патрик вырос в благополучной семье, я частенько его расспрашивала, как в том или ином случае поступали его родители.

Что и говорить, мой путь был нелегким и негладким, однако Бога не смущала та неразбериха, в которой я барахталась, — Он вознамерился исцелить меня от травмирующего прошлого и не оставляет Своих планов по сей день. Господь предложил мне немислимое: простить тех, кто нанес мне обиду, и это еще один урок, который я заучиваю каждый день. Он также научил Меня смирению, когда я была вынуждена просить прощения у своих детей за то, что порой на них кричала, или читала им нотации, или их унижала. Материнство стало тем путешествием, во время которого Бог меня преображает, призывая покинуть пределы своих ограниченных возможностей и припасть к Нему.

В этом отношении моя жизнь — замечательное приключение. Если смотреть на трудности, с которыми сталкиваются родители-первопроходцы, с точки зрения искупления, то они представляются Божьим средством нашего освящения. Осознавая свое бессилие, я с радостью тянусь к Богу, чьи руки сильнее и благодатнее моих. Я научилась ценить силу отрывка 2 Кор. 12:9–10, ставшего моим девизом, и наслаждаться им:

...Господь сказал мне: «довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи». И потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова.

Посему я благодуществую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо, когда я немощен, тогда силен.

Некоторые недооценивают то, как важно знать пределы своих возможностей. Благодаря осознанию своей немощи, особенно в вопросе воспитания детей, я могу по достоинству оценить Божью силу. Таким образом, моя слабость позволяет Богу явить через меня Свое божественное могущество.

Значит, *благодаря* своему прошлому я могу отдать должное Богу, но лишь недавно я по-настоящему возблагодарила Его за испытания, выпавшие на мои детские годы. Он использовал их, чтобы привлечь меня к Себе. Если бы я так сильно не жаждала отцовской любви, сомневаюсь, что, стоя под вечнозеленым деревом в молодежном лагере «Young Life», я отдала бы сердце Иисусу. Если бы моя душа не была так истерзана отверженностью, вряд ли я нуждалась бы в Его утешении.

Я присоединяюсь к словам апостола Павла, обращенным к христианам в Коринфе:

Посмотрите, братья, кто вы, призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных; но Бог избрал немудрое мира, чтобы

посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, — для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом.

1 Кор. 1:26–29

Я была глупой, слабой, никчемной, и все же Бог избрал меня. Наверное, бросив с небес взгляд на землю, Он сказал: «Видите вон ту бестолковую девчужку с растрепанными волосами? В ней что-то есть. Когда Я изменю ее жизнь, никто не сможет присвоить себе Мою славу».

В сущности, для Бога я стала Элизой Дулиттл*. Он вытащил меня из сточной канавы, чтобы ради Своей славы преобразить мою жизнь. Он благословил меня мужем, чья любовь напоминает мне о Его любви, и дал мне детей, чтобы показать, как Он заботится обо мне.

Быть может, и вы находитесь в такой же ситуации. Быть может, и вы чувствуете себя глупыми и слабыми. Быть может, вас парализует мысль о необходимости воспитания детей. Быть может, вы даже не знаете, с чего начать, потому что вы — первый христианин в своей семье. Если дело обстоит именно таким образом, вам повезло, потому что эта книга написана не для тех, кто хочет узнать, «как, сделав то-то и то-то, стать идеальным родителем», — а для тех, кто «бежит к Отцу с просьбой восполнить его немощность».

Может, и вы подпеваете царю Давиду:

Твердо уповал я на Господа, и Он приклонился ко мне и услышал вопль мой; извлек меня из страшного рва, из тинистого болота, и поставил на камне ноги мои, и утвердил стопы мои; и вложил в уста

* Героиня «романа в пяти действиях» Бернарда Шоу «Пигмалион» (1913), лондонская цветочница, за полгода превращенная профессором Генри Хиггинсом в «герцогиню». — *Здесь и далее все подстрочные примечания принадлежат переводчику.*

мои новую песнь — хвалу Богу нашему. Увидят многие и убоятся, и будут уповать на Господа.

Пс. 39:2–4

Ваше прошлое представляет собой страшный ров, оно же удерживает ваше сердце в болоте, но вы больше не должны дышать его миазмами. Главное — дожидаться, когда Господь Сам протянет вам руку. Теперь вы знаете, что не можете, подобно Мюнхгаузену, вытянуть себя за волосы, — это задача Бога. Он разберется с вашим прошлым — и с вашими страхами, и с вашими демонами. Он поставит на тропу ваши перепачканные грязью ноги и вместе с вами проложит путь по твердой земле. Вам больше не придется оплакивать свое поражение. Наоборот, вы прославите Бога за то, что Он, используя вашу слабость, воспитывает ваших детей. Именно так прославляет Себя Бог, а в результате «увидят многие и убоятся и будут уповать на Господа».

У КАЖДОГО ГРЕШНИКА ЕСТЬ БУДУЩЕЕ

В электронном письме моего бывшего отчима говорилось: «У каждого грешника есть прошлое, у каждого святого — будущее». Это письмо пришло несколько дней назад от человека, который на протяжении девяти лет заменял мне отца, но с которым затем более десяти лет я не общалась. И вот перед тем как приступить к работе над этой книгой я получила от него письмо, в котором он сообщил, что посвятил свою жизнь Иисусу и страстно увлечен служением Богу. Отчим позволил Иисусу извлечь себя из страшного рва своего прошлого.

Тем, кто жалуется на своих не знающих Христа родителей, кто беспокоится, что Божья длань не способна коснуться всех членов его семьи, я советую утешиться и продолжать молиться. Однажды электронная почта доставит вам письмо или в вашем доме раздастся телефонный звонок, который докажет, что рука Бога «не сократилась на то, чтобы

спасать, и ухо Его не отяжелело для того, чтобы слышать» (Ис. 59:1). Иисус жаждет извлекать людей из страшных рвов их прошлого. Он спас меня и моего отчима.

Он сделает то же самое для вас и для тех, кто вам дорог. Попросите Его и прострите свои руки навстречу Его могучей деснице.

ИСЦЕЛЕНИЕ ДУШЕВНЫХ РАН ПРОШЛОГО

Первым шагом каждого из родителей-первопроходцев должно быть обращение к Богу с просьбой об исцелении души, поскольку на нашем отношении к детям сказывается любящая пережитая нами обида, жесточенность и боль. Мы, родители-первопроходцы, в первую очередь ради детей обязаны припадать к Богу и, омывая слезами Его ноги, умолять Его восполнить то, чем мы не располагаем, и поддержать нас в том, в чем мы бессильны. *Лишь* обретя Его исцеление, мы можем надеяться на то, что сумеем любить и воспитывать следующее поколение.

Ведя нас путем потерь и боли, Бог обновляет нашу жизнь. Руины нашего прошлого Он обращает в Свой триумф, из страданий возводит монумент Своей славе.

Быть может, вы обратились к этой книге, потому что до сих пор бредете путем потерь и боли. Я надеюсь, что уже в первых ее главах Господь поможет вам обнажить свое сердце перед Его пристальным взором. Доверьтесь Ему, и Он исцелит вас ради Своей славы и к великой радости ваших детей.

«Я БОЮСЬ ПАРЯЩЕГО ЗА ОКНОМ ПРИЗРАКА!»

В поисках безопасности

Имя Господа — крепкая башня:
убегает в нее праведник — и безопасен.
Притч. 18:10

Как страшно! Я, дрожащая от ужаса шестилетняя девочка, не свожу глаз с парящего за окном призрака. Своим мерцанием он освещает кусочек ночного неба, в который я вглядываюсь сквозь венецианское окно нашего небольшого дома. Похоже, этот описывающий круги призрак за кем-то следит. Думаю, он кого-то ищет, наверняка меня. Может, он хочет меня убить?

Я в комнате одна, если не считать двух кошек и плюшевого кенгуру, и рядом никого, кто мог бы меня защитить, нет. Пока я, дрожа от страха, прячусь за портьерой, мои босые ноги на холодном деревянном полу превращаются в ледышки. Одним глазком я сквозь пальцы гляжу в окно. Как же мне хочется, чтобы в комнату вошли мама и отчим и защитили меня от шупалец парящего за окном призрака!

Но ни мамы, ни отчима дома нет.

Насквозь продрогшая, я жду, что вот сейчас у крыльца раздастся скрип тормозов нашей машины и появится

кто-нибудь, кто сможет меня утешить. Я представляю себе родителей, которые, словно Тарзан, врываются в комнату и в самый последний момент спасают меня. Проблема в том, что родители и не думают избавлять меня от детских страхов или объяснять мне, что никаких призраков не существует.

Выслеживая меня, призрак делает еще один круг по небу, а я, скорчившись за портьерой и закрыв лицо руками, вспоминаю истории о призраках, которыми покуривающие марихуану приятели моих родителей делятся друг с другом на окутанных клубами дыма вечеринках. И хотя я не сомневаюсь, что рассказчики и не думали меня пугать, они наплели немало ужасных небылиц о доме с призраками, в котором я живу. «На чердаке вашего дома обитает призрак. — Мужчина, чье лицо стерлось из моей памяти, выдохнул сладковатый дымок марихуаны и ближе привлек меня к себе. — Если внимательно прислушаться, то в полночь ты услышишь, как прямо над люстрой в твоей спальне скрипит кресло-качалка. Но только прислушаться надо очень внимательно». С трудом сглотнув, я кивнула.

На другой вечеринке кто-то рассказал мне о скрывающемся в шкафу призраке. Пока я сплю, он втайне развлекается тем, что распахивает и захлопывает дверцы кухонных шкафчиков. «Проснувшись, ты разве не замечала, что дверцы некоторых шкафчиков приоткрыты? Вот тебе и доказательство».

В другой раз этот же человек отогнул потрепанный ковер и указал мне на деревянном полу на бурое пятно размером с большую собаку. «Видишь? — спросил он. — Здесь кого-то убили. Это кровавое пятно».

И вот, стоя на этом полу, я прячусь от парящего за окном призрака. Наконец, надеясь укрыться в своей комнате, я бросаюсь бежать, не обращая внимания на приоткрытые дверцы кухонных шкафчиков. Но и у себя в комнате я не обретаю желанного убежища: едва взглянув на люстру, я тут же

представляю, как чердачный призрак скрипит креслом-качалкой над моей головой. Юркнув в постель, я принимаюсь молиться, чтобы призрак не нашел меня под одеялом.

Так освещающий небо прожектор, знаменующий начало продаж новой компьютерной игры, стал для меня в ту ночь навязчивым напоминанием, что этот мир ужасен. Я, перепуганная шестилетняя девочка, вынуждена в одиночку справляться со своими страхами.

А вот история о мальчике, чья мама до того, как разыгралась гроза, заботливо уложила сынишку в постель и вышла из комнаты, чтобы заняться ежевечерними домашними делами. Когда дом сотряс первый раскат грома и полнеба озарила вспышка молнии, встревоженная мама вернулась в комнату сына, чтобы посмотреть, не испугался ли он. Она застала мальчика стоящим у окна и широко улыбающимся при каждой вспышке молнии.

— Сынок, — поинтересовалась мама, — почему ты улыбаешься? Разве тебе не страшно?

— Да нет же, мамочка! Здорово, правда? Меня только что сфотографировал Бог!

Вот чем отличается ребенок, выросший в безопасном окружении, от ребенка, которому не так повезло.

Один ребенок с ощущением полной безопасности, улыбаясь, во время грозы позирует перед Божьей фотокамерой, а другой трясется от страха в пустой комнате, прячась за гардиной от парящего за окном призрака.

Большинство родителей стремятся создать окружение, в котором их ребенок ощущает себя в безопасности. Однако вы могли расти в атмосфере страха, или, может быть, гнева, или насилия, или навязчивого желания похудеть. Мы все родом из неблагополучных семей, потому что все семьи состоят из грешников. Другое дело, что степень этого неблагополучия у всех семей разная и, скорее всего, вы или тот, кто вам дорог, росли в атмосфере страха. Возможно, вы до сих пор боитесь воспитывать своих детей, потому что не можете без страха вспомнить, как воспитывались сами.

Я молюсь от всего сердца, чтобы содержание этой книги наряду с силой Святого Духа помогло вам создать в своей семье, для своих детей, безопасную атмосферу. Пусть и они улыбаются при вспышке Божьей фотокамеры.

ЕДИНСТВЕННОЕ БЕЗОПАСНОЕ МЕСТО

Чтобы найти надежное и безопасное место своим детям, необходимо осознать, что вне отношений с Иисусом Христом такого места не существует. В этом мире свирепствуют терроризм, похищения детей, наркомания, самоубийства и множество других злобных сил. Иисус сказал: «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир» (Ин. 16:33). Если вы воспитывались в семье, которая не отличается приверженностью христианским ценностям или теплыми отношениями меж близкими людьми, то, скорее всего, считать вашу семью безопасным местом нельзя.

Мой друг Джек до сих пор не может забыть, как мать яростно трясла его, четырехлетнего малыша, за плечи и кричала ему в лицо: «Ты меня слышишь?» А когда он подросток и мать уже не могла с той же легкостью его запугать, она, прижав сына к стене, хлестала его по щекам.

И еще Джек помнит, каким беспомощным он себя чувствовал во время редких визитов к отцу. «Мне было тогда двенадцать. В моем окружении все, включая отца, курили марихуану. Единственное, что я в то время мог сделать, это уехать на велике к озеру и в одиночку там выплакаться. Должно быть, этот уход или побег был моей реакцией на происходящее. Если я и делился с мамой своими тревогами, то ее реакция была настолько враждебной, что я научился к ней не обращаться. Так я остался один». Джек понял, что о своей безопасности ему придется заботиться самостоятельно.

Конечно, пример Джека — крайность, но краски изрядно поблекли и на излучающих семейное благополучие фото-

портретах других семей. Все мы унаследовали грех Адама и Евы. К счастью, теперь мы знаем, что единственное безопасное место находится не где-то, а в Ком-то — в Иисусе Христе. Псалмопевец подтвердил, что настоящее убежище от всех земных страхов мы обретем в сильных Божьих руках: «Спокойно ложусь я и сплю, ибо Ты, Господи, един даешь мне жить в безопасности» (Пс. 4:9).

На протяжении всей моей жизни меня согревает пламенная любовь к Иисусу — Другу, Который никогда не оставит и не покинет. В детстве я не раз слышала, как имя Бога упоминается в потоке сквернословия, и все же продолжала искать Его в таком небезопасном месте, как собственная семья. Я обращалась к Нему в молитве, когда чего-то боялась, но и тогда не чувствовала себя в безопасности.

Лишенное покоя сердце ребенка стало плодородной почвой, на которой произросли сорняки неуверенности, корни которой я выкорчевываю до сих пор. Живя в агрессивном окружении, я редко чувствовала заботу со стороны близких. Когда два подонка надругались над невинностью пятилетней девочки, я поняла, что вынуждена защищаться самостоятельно. Когда грабители разгромили наш дом, страх вконец лишил меня чувства безопасности.

Результат моей беззащитности был таким: она пробудила во мне страстное желание до умопомрачения любить своих детей, но и заставила опасаться, что я могу повторить ошибки своих родителей. Не грозит ли моим детям та же опасность, которой когда-то, будучи ребенком, подвергалась я сама? Это беспокойство преследует меня до сих пор.

Наивно полагать, что мы в состоянии полностью ограбить своих детей от опасности, но все же с Божьей помощью мы *можем* окружить их теплом и взять под защиту родительской любви. Это не только возможно — это необходимо. Прежде всего ребенку нужна связь с человеком или людьми, которые (хотелось бы надеяться) способны его защитить. У многих родителей-первопроходцев такой связи с родителями не было, поэтому им незнакомо чувство

безопасности, которое дает ребенку родительская любовь. Мы интуитивно догадываемся, чем это безопасное место *не является*, но из-за негативного опыта нам трудно представить, как же это безопасное место *на самом деле* должно выглядеть. Нам необходимо уяснить значение и признаки безопасного места как для самих себя, так и ради благополучия своих детей. Помня о поставленной задаче, рассмотрим следующие признаки.

1. *Безопасное место — это убежище.* Так же, как заповедник защищает диких животных от пуль и стрел, безопасная семейная атмосфера защищает ребенка от подстерегающих его в начале жизненного пути шипов и колючек. Это место, где ребенок, совершив ошибку, может не бояться наказания. В прошлом году Софи возвращалась из школы всегда в расстроенных чувствах. Какое-то время я ужасно переживала по этому поводу, спрашивая себя, что же происходит в школе, что так сильно ее расстраивает. Нельзя не учитывать гормональных изменений, влияющих на настроение пятиклассницы, но я поняла кое-что еще: моя дочь дает волю эмоциям, потому что может это себе позволить. Нам с Патриком удалось, по крайней мере на каком-то уровне, создать безопасную среду, в которой дочери позволено свободно выражать свои эмоции.

Работая учителем средней школы, я заметила одну интересную особенность. Разговаривая с родителями учеников, у которых в школе наблюдались проблемы с дисциплиной, я видела, как эти родители удивляются, услышав жалобы на поведение своих детей. Как правило, они возражали: «Ну, что вы, дома он ведет себя иначе» и подозрительно косились в мою сторону, словно я Мефистофель, раз осмеливаюсь говорить *такое*. Когда же я встречалась с родителями учеников, ради пятерки готовых вывернуться наизнанку, их матери и отцы, подняв брови, искренне изумлялись: «Странно, а дома он, как правило, ходит на голове».

Дети, усердно занимающиеся в школе, а затем «от» и «до» выполняющие домашние задания, чтобы получить

пять с плюсом, вероятно, в семье свободны от излишнего контроля и после школьных нагрузок могут выпустить пар.

Мое ненаучное предположение таково: в благополучных семьях детям позволено выходить из себя, а в неблагополучных нет. Правда заключается в том, что все мы время от времени позволяем себе лишнее, и Бог задумал семью как святое убежище, как место, где могут не стыдиться ни прыщей, ни проявления гнева. Это не значит, что семья — место, где можно вести себя как заблагорассудится. Напротив, семья — это безопасное убежище, где любовь, замечая в ребенке недостатки характера, учит его справляться с гневом и яростью.

2. Безопасное место показывает, что Бог заботится о детях. Для наших детей мы подобны Богу. Неважно, в какой семье, благополучной или неблагополучной, воспитывались мы сами, — перед нами стоит задача проявить истинную природу Бога, что не всегда получается из-за нашей греховной природы. Бог не похож на земных родителей, даже на самых лучших из них. Небесный Отец не критикует, не осуждает, не причиняет вреда, не отстраняется и не пренебрегает Своими детьми. Любви даже самых лучших родителей не под силу сравниться с безупречной и безусловной любовью Бога. Куда уж нам с вами!

Но, воспитывая детей, мы можем возрастать в благочестии. В каком-то смысле успех родителей-первопроходцев гарантирован их отказом от старых методов воспитания, возвращением в любящие объятия Бога, познанием сердца Отца и Его путей. Зачем оглядываться назад? Зачем копаться в семейном архиве? Разве все «древнее» не прошло с зарей новой жизни в Иисусе Христе? Благодаря Его смерти за наши грехи мы можем радоваться оправданию в глазах Бога, а значит, и Его абсолютному приятию нас. Однако, когда мы становимся христианами, наше прошлое никуда не исчезает. Дон и Яна Франк (Don and Jan Frank) рассматривают эту проблему в книге «Невостребованный багаж»: «Игнорирование прошлого не есть мерило духовности. Бог

не игнорирует и не преуменьшает наши душевные раны, но если Бог не забывает, не отрицает, не преуменьшает и не уничтожает наше прошлое, то что же Он с ним делает? *Он его исправляет*¹.

Бог — профессиональный Спасатель. Он берет наше исковерканное прошлое, исцеляет его и, благодаря действию Святого Духа, дает нам силу прокладывать новые пути воспитания детей. Апостол Павел ободрял живущих в Эфесе христиан такими словами: «...Тому, Кто действующею в нас силою может сделать несравненно больше всего, чего мы просим, или о чем помышляем...» (Еф. 3:20).

Мы, родители-первопроходцы, обладаем привилегией являть своим детям Божий характер, но у нас ничего не получится, пока мы не позволим Ему исправить наше исковерканное прошлое и стать для наших детей Отцом.

3. Безопасное место пронизано благодатью. Поскольку единственное по-настоящему безопасное место находится в руках Небесного Отца, мы, родители, стремящиеся обеспечить безопасность своим детям, должны являть им Его благодать. Иисус показал нам пример, позволив детям вскарабкаться Себе на колени:

Тогда приведены были к Нему дети, чтобы Он возложил на них руки и помолился; ученики же возбраняли им.

Но Иисус сказал: пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное.

Мф. 19:13–14

Мой друг Джек, отец двух девочек, хочет, чтобы они росли в атмосфере благодати: «Я хочу, чтобы мои дочери знали: ни один их поступок не заставит меня их разлюбить».

Как-то раз одна из дочек Джека спросила его:

— Папочка, а ты меня не разлюбишь, если я ударю сестру?

Джек ответил:

— Дорогая, я очень расстроюсь, если ты ее ударишь, и буду вынужден тебя наказать, но я *всегда* буду тебя любить. Это — семья, в которой царит благодать.

4. *Безопасное место — это место, где ребенок не задает-ся вопросом, любят его или нет.* Окружение ребенка нельзя считать безопасным, если он постоянно терзается вопросом: «*Действительно ли меня любят мама и папа? А если я умру, мама будет по мне скучать?*» Чтобы чувствовать себя в безопасности, детям необходимо знать, что родители их любят несмотря ни на что, любят целиком и полностью от взъерошенной макушки до чумазных пяток.

Я была несносным ребенком. Недостаток материнской заботы вынуждал меня постоянно приставать к маме с вопросом: «Ты меня любишь?» Я просила, чтобы она меня обнимала, и от любого спонтанного проявления нежности с ее стороны чувствовала себя на седьмом небе от счастья. Родители-первопроходцы должны правильно интерпретировать подаваемые детьми сигналы. Когда мои дети ластятся ко мне с просьбой их обнять, я понимаю, что в чем-то допустила ошибку, раз они не чувствуют себя по-настоящему любимыми. Я хочу видеть своих детей не сводящими расплывшихся глаз с дающего жизнь Бога, а не терзающимися вопросом, любит ли их мама.

5. *Безопасное место обозначено четкими границами и на нем руководствуются ясными правилами.* Рядом с одной из школ была оборудована неогороженная спортивная площадка. На переменах дети толпились возле спортивного инвентаря, но, опасаясь оживленного уличного движения, игнорировали примыкающее к проезжей части игровое пространство. Директор школы сообразил огородить эту площадку, и дети тут же принялись свободно бегать на ней и играть. Незамысловатое ограждение из металлической сетки обозначило безопасные границы и обеспечило свободу перемещения.

Родительская любовь устанавливает границы, помогающие детям осознать, что допустимо, а что нет. В семье,

в которой не существует правил, царит хаос. Он может быть незаметен для глаз, но он обязательно присутствует в сердце ребенка. Дети, вынужденные формулировать собственный свод правил, не знают, как же на самом деле относятся к ним родители, и с трудом признают приоритет правил как таковых. Выросшие без оберегающих границ, они, став взрослыми, с большим трудом устанавливают для себя любые ограничения.

6. В безопасном месте детям позволительно делать ошибки. Безопасное место — это не скроенная из правил и предписаний смиренная рубашка, и родители-первопроходцы не должны превращаться в фарисеев-законников, множеством установок подавляющих и сбивающих с толку своих детей. Безопасное место отличает наличие справедливых и незыблемых правил. Детей, нарушающих эти правила, наказывают с любовью. Так же, как Иисус Христос наказывает нас ради нашего же блага, должны наказывать своих детей и мы. Но нам не следует возводить преграды на их пути, напоминая им о промахах и ошибках. Дети не всегда оправдывают наши ожидания — такова реальность. С любовью поставив на ноги, отряхнув и потрепав по щеке споткнувшегося малыша, мы помогаем ему понять, что неудачи обычны и неизбежны.

Не скрывая от детей допущенных нами ошибок, пусть даже в их воспитании, мы создаем для них атмосферу безопасности в семье. Тем самым мы учим их тому, что все порой ошибаются и все отчаянно нуждаются в Божьей благодати — прощении и укреплении в Духе.

Наши усилия должны быть направлены на исправление поведения, а не индивидуальности наших детей. Присутствующая в благополучной семье атмосфера благодати оставляет за детьми право на ошибку. Чтобы дети, став взрослыми, были самостоятельными и могли наслаждаться своей Богом данной индивидуальностью, им нужно помочь разобраться в проявлениях безусловной Божьей любви. Но ее понимание придет к ним лишь в том случае, если в на-

шей собственной жизни будет присутствовать безусловная любовь Небесного Отца.

Вы — хорошая мать

Тревога из-за того, что я не смогу сделать семью безопасным местом для своих детей, временами перерастала у меня в неопикуемый ужас, а иногда буквально душила меня. Мне приходят на память два крохотных эпизода, благодаря которым я не оставила поприще первопроходца.

Один эпизод произошел в 1999 году, когда у нас в доме гостила моя подруга Хейди. Перед тем как покинуть нас, она, пристально глядя мне в глаза, сказала: «Ты хорошая мать, Мэри. И дети знают, что ты их любишь».

Ее слова исцелили мое истерзанное страхом сердце. В детстве я чувствовала, что всем мешаю. Я не могла не переживать, что спроецирую то же чувство отверженности на своих детей. Стороннее мнение, подтверждающее, что дети знают о моей к ним любви, значительно уменьшило мое беспокойство.

Другой эпизод случился спустя два года после визита Хейди, и вновь в нашем доме, расположенном в Техасе. Уложив детей спать и уютно устроившись на своем любимом месте в гостиной, я наслаждалась вечерним покоем, когда Господь обратился ко мне со словами:

— Мэри, Я хочу, чтобы ты вслух произнесла: «Я — хорошая мать».

— Ты серьезно? — отреагировала я про себя.

— Как никогда.

Мне потребовалось немало времени, чтобы произнести вслух эту короткую фразу. Не знаю, что меня останавливало, возможно, произнести ее мне мешало опасение, что она прозвучит нескромно и даже самовлюбленно.

— Я — хорошая мать, — наконец прошептала я.

Как только я произнесла эти слова, тиски, сжимавшие мое сердце, ослабли и я впервые за девять лет материнства

полной грудью вдохнула в себя воздух. Вспоминая те освободившие меня слова, я понимаю, что, произнеся их вслух, я провозгласила для себя Божье исцеление.

Бог — профессиональный Спасатель всех страждущих — обращает их в послушных последователей Своего Сына. Именно наша слабость *позволяет* Богу выполнять Свою работу. Апостол Павел подчеркнул это, сказав:

Посему, кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней. Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей. Ибо, кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем.

1 Кор. 11:27–30

Я надеюсь, что Господь смилуется надо мной и мои дети никогда не напишут книгу, начинающуюся словами «Мы росли в семье, которую трудно было считать безопасным местом».

Оглавление

<i>Признательность</i>	3
<i>Предисловие. Воспитание детей сродни открытию неизведанной земли</i>	5
<i>Введение. Бог больше нашего прошлого</i>	12

Часть 1. ИСЦЕЛЕНИЕ ДУШЕВНЫХ РАН ПРОШЛОГО

1. «Я боюсь парящего за окном призрака!»	29
<i>В поисках безопасности</i>	
2. «Я бы предпочла забыть о прошлом»	41
<i>Не скрывая правды, обретаем свободу</i>	
3. «Но вы не знаете, как это было ужасно!».....	55
<i>Божье исцеление душевных ран прошлого</i>	
4. «Я не буду походить на своих родителей!»	72
<i>Не давайте разрушительных обещаний</i>	
5. «Как насчет 491-го прощения?».....	83
<i>Прощая родителей семьдесят раз по семь и более</i>	
6. «Пора покинуть родное гнездо».....	96
<i>Покидая родительский дом, прилепляемся к супругу</i>	
7. «Мои родители сводят меня с ума»	109
<i>Что значит почитать родителей</i>	

Часть 2. Бог с тобой

8. «Ну, какая из меня мать?» 123
Преуспевающая в слабости
9. «Почему бы не установить правила,
да и дело с концом?» 136
Что в вашем сердце, родители-первопроходцы?
10. «Они опять хнычут... Или это я хнычу?» 147
Воспитывая с благодарностью
11. «Но я же не мастер на все руки!» 157
Новый подход к созданию семьи
12. «Ой, мы снова все испортили!» 175
Прощая себя и детей
13. «Что если я снова сяду в лужу?» 187
*Пусть грехи вашего прошлого послужат уроком
вашим детям*
14. «Забавные случаи из моей
“педагогической практики”» 198
Добавляем недостающий элемент — смех
15. «Почему я не могу навестить своего дедушку?» 208
Защищая детей, сохраняем семейные отношения
16. «Эй, кто-нибудь, на помощь!» 220
Поиски наставника

Часть 3. Надежда на будущее

17. «Я не могу отряхнуть прах от своих ног»	235
<i>Применяя Божьи принципы Земли обетованной</i>	
18. «Волчий вой»	248
<i>Готовя детей к жизни в большом и страшном мире</i>	
19. «Мы не одиноки»	261
<i>Ободряя родителей-первопроходцев</i>	
20. «И что теперь?»	270
<i>Воспитание детей – взгляд, устремленный в вечность</i>	
 <i>Руководство для проведения бесед.</i>	
Вопросы для размышления и духовного развития	278
<i>Приложение. Книги в помощь родителям</i>	289
<i>Примечания</i>	295